

Людвиг Тиэкк, В.Х. Ваккенродер

Об искусстве и художниках

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л93

Л93 **Людвиг Тиэкк**
Об искусстве и художниках / Людвиг Тиэкк, В.Х. Ваккенродер – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 333 с.

ISBN 978-5-518-08165-9

ISBN 978-5-518-08165-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

подавльнубу искренностъ сердца отъ не-
принужденнаго восторга.

Въ 1793 году Вакенродеръ учился въ Эрлангенѣ; здѣсь онъ посвящаль свободныя досуги изслѣдованію Бамберга, сосѣдственныхъ странъ Франконіи, а особливо Нюренберга. На слѣдующій годъ онъ перешель въ Геттингенъ и тамъ особенно плѣнился знакомствомъ съ ученымъ Профессоромъ Фіорилло. Онъ нѣсколько разъ видѣль Кассель и его превосходную галерею, также собраніе картинъ въ Залцталенѣ; прежде еще онъ часто посѣщаль галерею въ Поммерсфельдѣ округа Бамбергскаго. Живопись, Поэзія и Музыка услаждали всю его жизнь: онъ въ юныхъ лѣтахъ основательно изучиль теорію сего послѣдняго Искусства подъ руководствомъ глубокомысленнаго Фаша—въ Берлинѣ. Въ 1796 году онъ посѣтилъ Дрезденъ. Незадолго до этаго времени онъ началъ излагать въ изобрѣтенной имъ формѣ свои мысли объ Живописи и Музыкѣ. Друзья Искусства благосклонно примуть сіи листки

IV

и откроютъ въ нихъ живые порывы вдохновеннаго, благороднаго духа; знапокъ найдеть въ нихъ, можетъ быть, одни намеки на что-то возвышенное и пожалѣетъ о томъ, что Писатель не исполнилъ своего пламеннаго давнишняго желанія,—не посѣтилъ Италіи.

Въ этомъ изданіи выпущены мои собственные отрывки, напечатанные въ прежнихъ книжкахъ: да не разрушаютъ они впечатлѣнія, производимаго въ душѣ словами покойнаго моего друга. — Сіи отрывки прибавлены были не потому, чтобъ его мысли требовали объясненія: мнѣ хотѣлось только соединить общіе труды наши.

I

ОТРЫВКИ О ЖИВОПИСИ

и

ОБЪ ИСКУССТВЪ ВООБЩЕ.

I.

Видѣніе Рафаэля.

Восторгъ Поэтовъ и художниковъ издавна служилъ міру и поводомъ и предметомъ для споровъ. Люди обыкновенные не въ силахъ постигнуть этаго состоянія и потому имѣютъ о немъ весьма ложныя и превратныя понятія. Вотъ причина, почему и въ системахъ и безъ системъ, и просто и методически, столь же много наговорено несообразнаго на счетъ внутреннихъ откровеній творческаго генія, сколь на счетъ таинствъ священной нашей Религіи. Такъ называемые издатели системъ и теорій по слуху описываютъ восторгъ художника; они совершенно довольны собою, если имъ съ ихъ ложнымъ и суетнымъ мудрованіемъ удалось склеить нѣсколько словъ для представленія предмета, хотя они совсѣмъ

не понимаютъ ни его значенія, ни духа, въ словахъ невмѣстимаго. Они говорятъ о восторгѣ художника, какъ о предметѣ, бывшемъ передъ ихъ глазами; они объясняютъ его, много о немъ рассказываютъ; но въ самомъ дѣлѣ должны бы, краснѣя, произносить это слово, ибо не знаютъ его значенія.

Какимъ обильнымъ пустословіемъ грѣшили самодовольные писатели нашего времени, говоря объ идеалахъ въ Искусствахъ образовательныхъ! Они утверждаютъ, что живописецъ и ваятель должны достигать оныхъ путемъ чрезвычайнымъ, отличнымъ отъ обыкновеннаго пути природы и опыта; прибавляя къ тому, что это происходитъ таинственнымъ способомъ, они вперяютъ и въ самихъ себя и въ учениковъ своихъ, что этотъ способъ имъ извѣстенъ; онибъ устыдились, если бы въ душѣ человеческой утаилась отъ нихъ хоть одна загадка, которую не могли бы они разгадать любопытнымъ юношамъ.

Есть и другіе ослѣпленные хулители,

чуждые вѣры: они, посмѣваясь, отвергаютъ все небесное въ восторгѣ художника и не хотятъ признатъ особеннаго знаменія свѣтѣни, сіяющаго на рѣдкихъ духахъ возвышенныхъ, потому что чувствуютъ себя вовсе ихъ чуждыми. 1) Но они ко мнѣ не относятся; я съ ними не имѣю дѣла.

Я хотѣлъ бы снабдитъ совѣтомъ тѣхъ лжемудрыхъ, о которыхъ говорилъ выше. Они такъ смѣло и легкомысленно произносятъ ученикамъ своимъ рѣшительныя мнѣнія о предметахъ божественныхъ, и оболъщаютъ юныя души, вселяя въ нихъ лѣстливую мечту, что будто бы въ ихъ волѣ—поспигнуть тѣ чудеса, которыя совершены великими художниками по внушеніямъ, смѣло говорю, божественнымъ.

Какое множество анекдотовъ и значительныхъ изрѣченій безпрестанно повторяется изъ жизни художниковъ!—и какъ не странно, что имъ внимаютъ съ пустымъ удивленіемъ и никто по симъ ясно говорящимъ признакамъ не заклю-

читъ о священной силѣ Искусства, ими знаменуемой, и никто, говорю, здѣсь, какъ и во всей природѣ, не признаетъ перста Божія!

Что касается до меня, во мнѣ уже давно таится эта вѣра; она, прежде темная, теперь озарена лучами свѣтлаго убѣжденія. Я счастливъ: меня, кажется, Небо избрало для того, чтобы возвѣщать Его славу яснымъ откровеніемъ чудесъ невѣдомыхъ: я успѣлъ воздвигнуть новыи алтарь во славу Божію.

Рафаэль (какъ солнце блистающій между всѣми живописцами), въ письмѣ своемъ къ Графу Кастильоне ²⁾ оставилъ слова, которыя для меня драгоцѣннѣе золота, и я не могу ихъ читать безъ какого-то тайнаго, невнятнаго чувства благоговѣнія и любви. Вотъ онѣ:

«Въ мірѣ такъ мало изображеній прелести женской; посему-то я прилѣпился къ одному тайному образу, который иногда навѣщаетъ мою душу». ³⁾

Къ моей невыразимой радости я недавно сверхъ чаянія объяснилъ тайну значительныхъ словъ Рафаэля.

Просматривая въ нашемъ монастырѣ сокровищницу древнихъ рукописей, я въ кучѣ ненужнаго пыльнаго пергамена отрывъ нѣсколько листочковъ, исписанныхъ рукою Браманта; *) не лѣзя постигнуть, какимъ образомъ они зашли въ это мѣсто. На одномъ изъ нихъ я прочелъ слѣдующее и передаю это на своемъ языкѣ, какъ можно ближе къ подлиннику.

«Для памяти и для собственнаго удовольствія здѣсь я хочу сохранить чудо, которое довѣрилъ мнѣ дорогой другъ мой, Рафаэль и приказалъ тайтъ подъ печатью молчанія. Однажды, когда я ему съ открытымъ и полнымъ сердцемъ выражалъ удивленіе надъ прелестными образами Мадонны и Святаго сѣмейства, и убѣдительно просилъ его, чтобы онъ разгадалъ мнѣ: гдѣ, въ какомъ мѣрѣ онъ видѣлъ эту несравненную красоту, протгательный взглядъ и выраженіе неподражаемое въ образѣ Пресвятой Дѣвы? Съ юношеской стѣдливостью, со скромностью, ему свойственной, Рафаэль нѣ-

сколькo времени хранилъ молчаніе; потомъ, сильно пронутый, со слезами бросился мнѣ на шею и открылъ свою тайну. Онъ разсказалъ, что отъ самой нѣжной юности всегда пламенѣло въ душѣ его особенное святое чувство къ Матери Божіей; даже иногда громко произнося Ея имя, онъ ощущалъ грусть душевную. Отъ самаго перваго побужденія къ живописи онъ питалъ внутри себя необоримое желаніе—живописать Дѣву Марію въ небесномъ Ея совершенствѣ; но никогда не смѣлъ довѣрять своимъ силамъ. И ночь и день безпрестанно неутомимый духъ его трудился въ мысляхъ надъ образомъ Дѣвы, но никогда не былъ въ силахъ удовлетворить самому себѣ; ему казалось, что этотъ образъ все еще опуманенъ какимъ-то мракомъ передъ взорами фантазіи. Однако иногда будто небесная искра заранивалась въ его душу и образъ въ свѣтлыхъ очертаніяхъ являлся передъ нимъ такъ, какъ хотѣлось бы ему написать его; но это было одно летучее мгновеніе: онъ не могъ